

СБОРНИК СТАТЕЙ

**Международной научно-практической
конференции молодых ученых**

**«НУРГАЛИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ-Х:
НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
XXI СТОЛЕТИЯ.**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
посвященной 25-летию со дня основания
Евразийского национального университета
имени Л.Н. Гумилёва**

25-26 февраля 2021 года

г. Нур-Султан, 2021

СБОРНИК СТАТЕЙ
Международной научно-практической
конференции молодых ученых
«НУРГАЛИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ-Х:
НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ
XXI СТОЛЕТИЯ. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

25-26 февраля 2021 года

г. Нур-Султан, 2021

УДК 80/81

ББК 81.2

Н90

Рецензенты: И. Любоха-Круглик - д.ф.н., профессор (Польша)
Л.Е. Беженару - д.ф.н., профессор (Румыния)

Под общ. ред. - д.ф.н., проф. К.Р.Нургали

Члены редколлегии: д.ф.н., проф. К.Р.Нургали, к.ф.н., проф. Мукажанова Л.Г., маг. Азкенова Ж.К.

Н-90 «Нургалиевские чтения-Х: Научное сообщество молодых ученых XXI столетия. Филологические науки»: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25-26 февраля 2021 г., г.Нур-Султан). / Под общ. ред. д.ф.н., проф. К.Р.Нургали. – Нур-Султан: ЕНУ, им.Л.Н. Гумилёва, 2021. – 591 с.

IBSN 978-601-337-505-2

Данный сборник статей состоит из материалов, представленных на юбилейной Международной научно-практической конференции «Нургалиевские чтения-Х: Научное сообщество молодых ученых XXI столетия. Филологические науки» (25-25 февраля 2021 г., г.Нур-Султан). Доклады участников этого научного форума представляют собой результаты исследований молодых ученых по литературоведческим и лингвистическим проблемам, а также вопросам современных методик анализа литературных произведений, переводоведения, образования в условиях пандемии. Многоаспектность тем выступлений – свидетельство интересов современных студентов, которые отличаются широким кругозором и высокой научно-методической подготовкой к научным исследованиям.

Участники данной конференции представляют вузы, которые являются многолетними партнёрами по международному академическому сотрудничеству. Так, перед широкой аудиторией выступили студенты, магистранты, докторанты и аспиранты вузов Казахстана, Российской Федерации (г.Москва, г. Казань, г. Таганрог, г. Ставрополь), Польши (г.Катовице), Румынии (г.Яссы), Турции (г. Анкара) и др.

Данный сборник может быть рекомендован обучающимся образовательных программ по филологическим и педагогическим направлениям.

IBSN 978-601-337-505-2

УДК 80/81

ББК 81.2

©ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2021

ОБРАЗ МЕРТВОГО ДОМА В ИЗОБРАЖЕНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

*Кадим К.Ш.
магистрант 1 курса
специальности 7М02306 – «Филология: русская филология»
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
kymbatkadim@mail.ru
Научный руководитель - Канафина М.А.
к.ф.н., доц.
miraka60@mail.ru*

Впечатление о реалиях тюремной или каторжной жизни – достаточно распространенная тематика в русской литературе. Одним из первых открыть читателю картины другого, неизведанного обычным людям мира тюрьмы, с его законами и правилами, специфической речью, своей социальной иерархией осмелился мастер психологического реализма – Федор Михайлович Достоевский.

Хотя произведение относится к раннему творчеству великого писателя, когда он еще оттачивал свое прозаическое мастерство, в повести уже чувствуются попытки психологического анализа состояния человека, находящегося в критических условиях жизни. Достоевский не просто воссоздает реалии тюремной действительности, автор методом аналитического отображения исследует впечатления людей от нахождения в остроге, их физическое и психологическое состояние, влияние каторги на индивидуальную оценку и самообладание героев.

Интересен жанр произведения. В академической критике жанр его определяют как повесть в двух частях. Однако сам автор назвал его записками, то есть жанром, близким к мемуарно-эпистолярному. Воспоминания автора – это не размышления о своей судьбе или событиях из собственной жизни. «Записки из Мертвого дома» – это документальное воссоздание картин тюремной действительности, которые стали результатом осмысления увиденного и услышанного за четыре года, проведенных Ф.М. Достоевским на каторге в Омске.

Внимание мемуариста в «Записках из Мёртвого дома» сосредоточено не столько на собственных переживаниях, сколько на жизни и характерах окружающих. Подобно Ивану Петровичу в «Униженных и оскорбленных»,

Горяччиков почти целиком занят судьбами других людей, его повествование преследует одну цель: «Представить весь наш острог и все, что я прожил в эти годы, в одной наглядной и яркой картине»[1]. Каждая глава, будучи частью целого, представляет собой совершенно законченное произведение, посвященное, как и вся книга, общей жизни острога. Этой основной задаче подчинено и изображение отдельных характеров.

В повести много массовых сцен. Стремление Достоевского сделать центром внимания не индивидуальные характеристики, а общую жизнь массы людей создает эпический стиль «Записок из Мёртвого дома».

Тема произведения выходит далеко за пределы сибирской каторги. Рассказывая истории арестантов или просто размышляя о нравах острога,

Достоевский обращается к причинам преступлений, совершенных там, на «воле». И всякий раз при сравнении вольных и каторжных выходит, что разница не так уж велика, что «люди везде люди», что и каторжники живут по тем же общим законам, точнее сказать, что и вольные люди живут по законам каторжным. Не случайно поэтому иные преступления даже специально совершаются с целью попасть в острог «и там избавиться от несравненно более каторжной жизни на воле».

Устанавливая сходные черты между жизнью каторжной и «вольной», Достоевский касается прежде всего самых главных социальных вопросов: об отношении народа к дворянам и администрации, о роли денег, о роли труда и т. д. Как это было видно из первого письма Достоевского по выходе из острога, его глубоко потрясло враждебное отношение арестантов к каторжникам из дворян. В «Записках из Мёртвого дома» это широко показано и социально объяснено: «Да-с, дворян они не любят, особенно политических... Во-первых, вы и народ другой, на них непохожий, а во-вторых, они все прежде были или помещичьи, или военного звания. Сами посудите, могут ли они вас полюбить-с?»[1].

Особенно выразительна в этом отношении глава «Претензия». Характерно, что, несмотря на всю тяжесть своего положения как дворянина, рассказчик понимает и целиком оправдывает ненависть арестантов к дворянам, которые, выйдя из острога, опять перейдут во враждебное народу сословие. Эти же чувства проявляются и в отношении простонародья к администрации, ко всему официальному. Даже к докторам госпиталя арестанты относились с предубеждением, «потому что лекаря все-таки господа».

Основное достижение Достоевского состоит в изображении света человеческого достоинства в земном аду каторги, которая, как считалось, не представляла собой ничего, кроме духовной смерти. Как на это позднее указывали французские почитатели Достоевского в своих трудах, полемизирующих с Золя и натуральной школой, Достоевскому удалось показать «человеческое в звере» вместо того, чтобы искать «звериное в человеке». В большинстве глав Записок из Мертвого дома главным героем постоянно является каторжник, в то время как даже рассказчик почти исчезает со сцены[2].

Конечно, можно заметить, что преступление и наказание, как результат человеческих страданий между грехом и искуплением, были преобладающими темами Достоевского после каторги. Однако это почти очевидное замечание слишком неопределенно. Не надо смешивать частный вопрос о тюремном заключении, т. е. вопрос о том, могут ли люди быть лишены своей свободы по закону, с вопросом об индивидуальном спасении через искупление или, согласно выражению Достоевского, через «добровольное страдание».

Само название «Записки из Мертвого дома» принадлежит не человеку, их написавшему (Горянчиков называет свое произведение «Сцены из Мертвого дома»), а издателю. В заглавии как бы встретились два голоса, две точки зрения (Горянчикова и издателя), даже два смысловых начала (конкретно-хроникальное: «Записки из Мертвого дома» – как указание на жанровую природу – и символически-концептуальная формула-оксюморон «Мертвый дом»)[3].

МЁРТВЫЙ ДОМ – художественный образ Омска в произведении. Это метафора-метонимия, где каземат представляет весь город. Но именно в этом образе заключено отношение к городу, как к городу-наказанию (О.М.С.К.).

Образная формула «Мертвый дом» предстает как своеобразный момент концентрации смысловой энергии повествования и вместе с тем в самом общем виде намечает то интертекстуальное русло, в котором будет разворачиваться ценностная активность автора (от символического наименования Российской империи Некрополисом у П.Я. Чаадаева до аллюзий на повести В.Ф. Одоевского «Насмешка мертвеца», «Бал», «Живой мертвец» и шире – тему мертвой бездуховной действительности в прозе русского романтизма и, наконец, до внутренней полемики с названием гоголевской поэмы «Мертвые души»). Оксюморонность подобного названия как бы повторена Достоевским на ином смысловом уровне[4].

Горькой парадоксальности гоголевского названия (бессмертная душа объявляется мертвой) противопоставляется внутренняя напряженность противоборствующих начал в определении «Мертвый дом»: «Мертвый» в силу застойности, несвободы, отъединенности от большого мира, а больше всего от бессознательной стихийности быта, но все-таки «дом» – не только как жилье, тепло очага, убежище, сфера существования, но и как семья, род, общность людей («странное семейство»), принадлежащее одной национальной целостности.

Глубина и смысловая емкость художественной прозы «Записок из Мертвого дома» особенно ярко обнаруживают себя в открывающей введении интродукции о Сибири. Здесь дается результат духовного общения издателя-провинциала и автора записок: на уровне сюжетно-событийном понимание, казалось бы, не состоялось, однако структура повествования обнаруживает взаимодействие и постепенное проникновение мировосприятия Горянчикова в стиль издателя.

Издатель, он же и первый читатель «Записок из Мертвого дома», постигая жизнь Мертвого дома, одновременно ищет разгадку Горянчикова, движется ко все большему его пониманию не через факты и обстоятельства жизни в каторге, но скорее через процесс приобщения к мировосприятию рассказчика[5]. И мера этого приобщения и понимания зафиксирована в главе VII части второй, в сообщении издателя о дальнейшей судьбе арестанта – мнимого отцеубийцы.

Но и сам Горянчиков ищет разгадку души народной путем мучительно трудного приобщения к единству народной жизни. Через разные типы сознания преломляется действительность Мертвого дома: издатель, А.П. Горянчиков, Шишков, рассказывающий историю загубленной девушки (глава «Акулькин муж»); все эти способы мировосприятия глядятся друг в друга, взаимодействуют, корректируются один другим, на границе их рождается новое универсальное видение мира.

Введение осуществляет взгляд на «Записки из Мертвого дома» извне; заканчивается оно описанием первого впечатления издателя от их чтения. Важно, что в сознании издателя присутствуют оба начала, определяющие внутреннюю напряженность повествования: это интерес как к объекту, так и к субъекту рассказа.

«Записки из Мертвого дома» – это история жизни не в биографическом, а скорее в бытийном смысле, это история не выживания, а жизни в условиях Мертвого дома. Два взаимосвязанных процесса определяют природу повествования «Записок из Мертвого дома»: это история становления и роста живой души Горянчикова, совершающаяся по мере постижения им живых плодотворных основ народного бытия, явленных в быте Мертвого дома. Духовное самопознание рассказчика и постижение им народной стихии совершается одновременно.

Список использованной литературы:

1. Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л. 1972, т. 3, С. 489-493.
2. К. Мочульский. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж 1980, с.139
3. Образ автора в «Записках из Мертвого дома» Ф М Достоевского// Социальные и гуманитарные исследования - Саранск СМВО, 2000 – С. 372-376.
4. Акелькина Е.А. Записки из Мертвого дома // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб., 2008. С. 74-77.
5. В. Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы, Москва, 1966, с. 368.

***Аннотация:** В статье ставится задача проанализировать образ «мертвого дома» в изображении Ф.М. Достоевского. Для его героя свобода – важнейшее понятие, способ быть самим собой. В основе поступков парадоксалиста лежит жажда свободы, необходимость быть личностью.*

***Ключевые слова:** «мертвый дом», своеволие, разум*

***Abstract:** The article analyzes the in Dostoevsky's. Freedom for the hero is the most important concept, a way to be yourself. At the core of paradoxalist's actions lies thirst for freedom, the need to be a person.*

***Keywords:** dead house, willfulness, intellect*

3. ҚАБДОЛОВТЫҢ «МЕНИҢ ӘУЕЗОВІМ» РОМАН-ЭССЕСІНДЕГІ ТҮЛҒА ЖАСАУДАҒЫ ПОРТРЕТ ПЕН ДИАЛОГТИҢ КӨРКЕМДІК ҚЫЗМЕТІ

Сәменқызы Ұ.

1 курс докторанты

Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ

ulpan.samenkyzy@mail.ru

Ғылыми жетекшісі – Тұрысбек Р.С.

ф.ғ.д., профессор

rst58@mail.ru

Қазіргі қазақ романының жанрлық түрленуінің бір үлгісі ғалым, жазушы Зейнолла Қабдоловтың «Менің Әуезовім» роман-эссесінен көрініс береді. Эссе – автордың суреттеп отырған объектісіне ашық-жарқын қарым-қатысын, сезімін білдіретін туынды. Көп жағдайда эссенің көлемі шағын болып келетін болса, автор басты кейіпкерінің тұлғасын ашып, өзінің қарым-қатысын, сезімін бейнелеуде романдық көлемге құлаш ұрады. Кейіпкерінің өзімен байланысын ғана сырлы сезімге бөлеп суреттеумен шектеліп қалмай, шығарманың кей тұстарында оқушы